

²⁷ О специфике этно-исторических мифов и роли представлений о «давнем прошлом» в структуре идентичности см.: Шнирельман В. А. Национальные символы, этно-исторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999. С. 118–147.

²⁸ Результаты исследования изложены в коллективном труде: Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010.

О. Н. Яхно

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ПЕРЕХОДНЫХ СОСТОЯНИЙ

Культура переходных состояний отражает переживаемые обществом радикальные трансформации. Как правило, они обусловлены не столько внешними заимствованиями или подспудным проникновением (диффузией) «чужих» культурных образцов, сколько логикой развития самого общества. Хотя, конечно, важную роль играет сопоставление (порой некритичное) своих и чужих жизненных практик. Это создает благоприятные условия для непосредственного усвоения (восприятия) ценностей, эстетических вкусов, образцов поведения и прочих элементов иной культуры. В случае повышения открытости общества этот процесс принимает массовый характер. Однако постепенно происходит нарастание сопротивления многочисленным новациям как результат их столкновения с традициями (что, впрочем, не исключает их симбиоз, конвергенцию). Все эти процессы мы имеем возможность воочию наблюдать в современном российском обществе. Важно, чтобы эти естественные противоречия не переросли в конфликт на общественном (культурный раскол) и личном (утрата идентичности) уровнях.

Так уже было в начале XX века и обернулось грандиозной социальной революцией, являвшейся по существу консервативным ответом на слишком быстрые перемены и культурный раскол. В первую очередь люди сталкиваются с любыми переменами на повседневном уровне, меняющими привычное течение жизни. Именно здесь в наибольшей мере происходит столкновение традиций и новаций. В указанный период явно прослеживается влияние идей рациональности, социального равенства и справедливости, культя вещного богатства. Но также очевидно, что реликты традиционного сознания и поведения сохраняются (пусть и в модифицированном виде) во всех сферах общественной жизни. Этот период характеризуется изменениями в социальной структуре общества, резким ростом вертикальной и горизонтальной мобильности. Порождаемое из-за этого смешение стилей поведения, присущих различным социальным или профессиональным кругам довольно часто становилось поводом для критики. Сплетение и взаимопроникновение манер, их определенное упрощение было знаком време-

ни. Это касалось манеры одеваться, вести себя в обществе и дома, проведения свободного времени и пр. «Наше время – время замечательной развязности и беззастенчивости, – писала «Екатеринбургская неделя». – Взять, сорвать, содрать, облупить и т. п. – пароль и лозунг, которыми руководствуются все и каждый, если к тому представляется малейшая возможность»¹.

Появление большого числа горожан нового типа в «благородном собрании» нередко, видимо, отличалось неуместным поведением и не соответствовало ни аристократической утонченности, ни буржуазной благопристойности. Наиболее часто упоминаемой чертой русской нации является, по мнению корреспондентов газет рубежа веков, широта ее души, которая проявлялась в пьянстве, неумном веселье, драках. Такое поведение было присуще многим, в том числе тем, кто считал себя украшением общества, «носящим в голове, под предлогом научных знаний, разные обрывки энциклопедических словарей, на плечах сюртуки тончайшего сукна, а на шее галстуки с изящными бантами»².

Но те же самые газеты были переполнены рекламными объявлениями, призывавшими пользоваться современными товарами и услугами и тем самым шагать в ногу со временем. Горожане и сами довольно остро чувствовали «несуразицы» и «несыковки» в своей жизни. Пространство города и динамика городской жизни постоянно вызывали стрессы и недовольство происходящим.

Соглашаясь с авторитетным мнением социолога-экономиста А. Вебера, который считал замечательным фактором XIX века сосредоточение населения в городах, публицисты начала XX века, увязывали степень урбанизации со степенью развития капиталистической системы в стране, с развитием производительных сил, вызывающих перераспределение населения³. В силу этого города монополизируют плоды науки и искусства. «Моды, обычаи, популярные песни, особого рода жаргонные словечки, так же как и великие интеллектуальные, общественные и индустриальные движения – все это зарождается в кипучих жизнью городских центрах»⁴.

Городской образ жизни с его уличной сутолокой, быстрым ритмом и частой сменой впечатлений и настроений требует от своих жителей такой же быстроты реакции на происходящее. Это вызывает стресс у коренных горожан, что уж говорить о недавних выходцах из деревни. В этом даже видели одну из причин различных пагубных привычек. «Увеличение потребления алкоголя с прогрессом человечества и даже между интеллигентными людьми можно объяснить сильным истощением нервной системы человека. Это делает его ленивым и крайне односторонним в своих суждениях, поэтому нет ничего удивительного, что для восстановления равновесия в гармонии душевной и телесной деятельности он прибегает к алкоголю, кофе, табаку, морфию и пр.»⁵

Внимание к своему здоровью, обращение за консультацией к профессиональным врачам, здоровый образ жизни, увеличение научных знаний, необходимых в быту – все это становится неотъемлемой частью нового городского образа жизни. Наблюдалась явная тенденция медикализации повседневной жизни. Очевидно увеличивалось количество объявлений практикующих врачей различных специальностей и рекламы препаратов для поддержания здоровья и красоты. Врачи обращали внимание не только на физическое состояние людей, но и на психологическое, подчеркивая увеличение количества людей с различными нервными и психическими расстройствами. «Их следует искать между неудавшимися сыновьями порядочных семейств или легкомысленными, кокетливыми, имеющими страсть к нарядам, дамами нашего общества. Первым приходится бороться с обстоятельствами, до которых они не доросли. Уму не хватает силы и глубины. Слабость ума, слабость характера и преувеличенная самооценка составляют основные черты легкой степени тупоумного человека»⁶.

Такой безрадостной картине и пессимистичной оценке ухудшения состояния человечества вообще противостояли многочисленные статьи, рассказывающие о расширяющихся возможностях человека, особенно в свете последних достижений науки и техники. И это касалось не только медицины или промышленного производства. Городские дома постепенно заполнялись различной бытовой техникой и новыми приспособлениями. Местная пресса пестрит объявлениями о новых кухонных плитах, стиральных машинах, пылесосах, дорожных кофейниках и т. д. Все они были призваны облегчить домашний труд, по возможности освободить от рутины повседневных бытовых обязанностей, дать возможность реализовать себя более творчески.

Более творчески предлагалось подходить ко всем сторонам повседневной жизни, например, к приготовлению пищи. Это было тем более актуально, потому что в начале XX века наблюдается явная тенденция увеличения количества лиц, имеющих самостоятельные заработки и ведущих мелкие домашние хозяйства. Другой важной чертой этого периода было появление большого числа крестьян, пришедших в города на заработки. Женщины чаще всего нанимались в прислуги. В городах «оказалось достаточно число лиц, нуждающихся в руководствах по простой, общедоступной, относительно дешевой домашней кухне: скромной, сытой, здоровой, свободной от трактирных фальсификаций и недобросовестности исполнения»⁷. Именно для таких небогатых хозяек, в услужении которых находилась одна, чаще всего неопытная, помощница, и предназначались книги второй половины XIX – начала XX вв. «Общедоступный и вкусный стол», «Подарок молодым хозяйкам», «Образцовая кухня» и ряд других.

Они были не просто стандартными сборниками прежних рецептов, а книгами, несшими новые для своего времени кулинарные знания. Это были

энциклопедиями по домоводству, рекомендовавшими новую кулинарную технологию, новые приемы изготовления, новую, более рациональную организацию стола и систему питания, опыт, полученный из иностранных источников и из собственной многолетней практики⁸. Но, что еще более занятно, авторы пеклись об уменьшении бесполезных расходов в каждом домашнем хозяйстве. И если Е. И. Молоховец видела свою цель в том, чтобы «суметь при небольшом состоянии, при умеренном расходе иметь постоянно хороший, вкусный, здоровый и разнообразный обед благодаря разумной экономии», то составитель «Образцовой кухни» смотрел на проблему гораздо шире. «Дельные указания хорошаго руководства избавят от массы бесполезного труда и ненужных затрат и, при доброй воле, всякому желающему дадут полную возможность, при самых лишь необходимых затратах, разумно и комфортабельно устроить домашнюю жизнь»⁹.

Книги имели схожую структуру, набор рецептов, перечень продуктов. В начале давалось подробное описание того кухонного оснащения, которое понадобится для приготовления описанных блюд. Многие вновь приехавшие кухарки, да и хозяйки, могли и не знать всех особенностей обустройства современной городской кухни, новых приспособлений, облегчающих домашний труд. Рецепты в изданиях в основной своей массе совпадают, т. к. все авторы ставили задачу избегать излишне дорогих продуктов.

Все книги старались внести рациональное зерно и упорядочить процесс приготовления пищи. Составителями были молодые воспитанные буржуазные дамы и господа. Их заботило собственное здоровье, здоровье детей, других членов семей и близких. И в этом пункте важным казалось укрепление здоровья путем рационального питания. Поэтому в книги были включены специальные отделы детского питания.

Помимо этого книги выполняли еще одну важную функцию – воспитывали новое отношение к кухне, умению едой наслаждаться, вносили новую городскую эстетику в повседневную жизнь. Это была, по сути, первая попытка уйти от описания кухни как каких-то курьезов, обжорства на фоне череды голодных годов и несметного числа голодных ртов. Книги и их авторы по-своему старались изменить русского человека и его образ жизни, внося в него понятие комфорта как нормы, с которой он не слишком был знаком.

Такое же пристальное внимание уделялось и современной городской одежде, ведь она выступала самым наглядным маркером. Модные и женские журналы культивировали идеал энергичного служащего и предпринимателя. Естественно, им предлагались другие фасоны, менее затейливые, но более удобные, согласующиеся с деловым стилем жизни. Наряду с немецкими, английскими, французскими производителями мужской одежды рекламу начинают размещать и американские. Английского ден-

ди и французского аристократа в качестве положительного героя постепенно заменяет американский бизнесмен. Но тяга русского человека к праздничности бытия, желание быть нарядным даже в будни, очень сильна и не может быть изжита за короткий отрезок времени никакими рациональными доводами.

В начале XX в. наметилась тенденция к упрощению одежды и ее крою. Горожанки активно участвовали в процессе создания красивой одежды при минимальных затратах. Наиболее приемлемым вариантом, устроившим работниц, служащих женщин или домохозяек, оказался комплект из юбки и блузки. Он стал первой универсальной одеждой, которую носило городское большинство.

Общедоступность красоты оказывается одним из главных требований времени. Возникает «красота для бедных», которая в основном имитировала «богатство» и «роскошь». Вместо реальных отрезных деталей используются накладные или изображаются путем застрачивания. Вместо дорого китового уса стали использовать пластмассовые вставки, анилиновые красители позволяли выглядеть ярко, даже осенью и зимой, а российские хлопчатобумажные ткани давали возможность шить одежду недорогую и нарядную. Журнал «Парижские моды», который встречался и в Екатеринбурге, предлагал фасоны дорогих пальто и платьев. Но в то же время отмечалось, что «фасон этот можно скопировать из сукна или шерстяной материи по вкусу (вместо атласа), заменить соболь более дешевым мехом».

Создание универсальной одежды для женщин еще характеризовалось следующим фактом. Модели, предлагаемые в начале XX века, могли выбрать горожанки любого возраста и любого типа фигуры. Этому отчасти способствовал новый томный силуэт перетекающей капли, свойственный стилю модерн, подчеркнутый струящейся фактурой материала. Можно предположить, что для некоторой части населения образ аристократичной дамы модерна был идеалом-целью. Хотя на городских улицах Екатеринбурга встречался более рациональный вид одежды, где типичный для модерна силуэт был едва намечен и где плавная линия соответствовала естественным контурам фигуры.

Сочетание яркости выражения и низкой рыночной стоимости делали такую одежду популярной в городе. И она же являлась носителем тенденции, когда традиции одной группы накладываются на внешние атрибуты другой. Возможность примерить «чужое» платье, заставляла отчасти проживать «другую» жизнь словно на сцене. Жизнь приобрела всеобщий театральные оттенки. Как и положено, весь этот маскарад происходил в большей мере на улицах города. «Мода позволила новым социальным группам – таким, как буржуазия и рабочий класс – создать собственную классовую идентичность, а старым группам – например, дворянству и крестья-

янам – обновить свой облик. К началу XX века российский костюмный ландшафт стал гораздо сложнее, отражая растущую сложность самого российского общества»¹⁰. Тиражировался, однако, скорее аристократический идеал богатства и респектабельности, нежели мещанская скромность и простота расчетливости.

Большую роль в формировании потребностей в одежде в начале XX в. играли модные журналы, рассчитанные на людей, занимавших высокое социальное положение. Именно эта социальная группа выступала в качестве референтной для всех остальных социальных слоев города. По рекомендациям журналов идеальный гардероб горожанки был весьма обширен и включал очень много одежды для различных жизненных ситуаций, вплоть до спортивного платья или платья для работы в саду. Но реклама формировала новые потребности у покупателей путем воздействия на референтные группы.

В первое десятилетие XX века явно наметилась тенденция выбирать одежду согласно собственному достатку, привычкам, актуальным направлениям, а главное – удобству для работы. Последнее, правда, и до сегодняшнего дня не стало в России основным условием выбора одежды. В большинстве случаев оставаясь украшением, одежда, отражая противоречия своего периода, соединяет противоположное: рационализм, практицизм, динамизм времени с чувственностью и игривостью владельца.

Новые явления в общественной жизни способствовали распространению ценностей буржуазного общества, свойственного ему образа жизни и, что самое важное, – появлением массового социального субъекта, органически восприимчивого к этим новым ценностям. Столь же очевидными были и противоречия переходного периода: наличие прямо противоположных тенденций. Рост достатка не влечет за собой автоматическое умение тратить деньги, массовое производство дает стандартный набор товаров, но не всегда позволяет сохранить индивидуальность. Начало века было периодом раздвоенности и метаний. Все слои искали свой вариант обновления, пытались воплотить красоту искусства в красоту жизни доступными им способами, гармонично соединить художественное и утилитарное. Характерной чертой начала XX века явно проявившейся в художественном стиле модерн была попытка соединить индивидуальное и уникальное с массовым стандартным производством. Казалось, еще немного, и личные предпочтения, ценностные ориентации различных социальных групп будут нивелированы.

Изменения социального статуса жителей городов приводили к смешению стилей жизни различных слоев населения. В такой ситуации особенно острой проблемой стали оторванность от корней и онтологическая шаткость мироощущения. По живописной метафоре А. Якимовича города на-

крывала «переливчатая пелена легкой, изысканной, забывчивой, летучей и неистребимой культуры безразличия. Культура и искусство развлекают и услаждают анонимного просвещенного человека, для которого не существует более абсолютных смыслов и ценностей»¹¹. Неспособность многих адаптироваться к новым условиям привела к разрушительным революционным событиям в нашей стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свадебные мытарства // Екатеринбургская неделя, 1893. № 10. С. 214.

² Мелочи всенедельной жизни // Екатеринбургская неделя, 1893. № 5. С. 109

³ Город и горожане // Новый журнал для всех, 1910. № 20. Ст. 91.

⁴ Город и горожане... Ст. 95.

⁵ Значение физического воспитания в связи с умственным и нравственным // Будьте здоровы! 1895. № 8. С. 123.

⁶ Нервный век и нервные люди // Будьте здоровы! 1896. № 13. С. 196.

⁷ Похлебкин В. Кухня века. М.: Полифакт. Итоги века, 2000. С. 80.

⁸ Похлебкин В. Кухня века. С. 77.

⁹ Образцовая кухня. Составитель П. Ф. Симоненко. Репринт 1892 года. М.: Изд-во «Голос», 1991. С. 3.

¹⁰ Руан К. Одежда и идентичность в имперской России // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2007. С. 230.

¹¹ Якимович А. Двадцатый век. Искусство. Культура. Картина мира: От импрессионизма до классического авангарда. М.: Изд. дом «Искусство», 2003. С. 97.

С. В. Голикова

НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ПЕРЕХОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ

В отечественной гуманитарной науке религиозность долгое время практически не становилась предметом специальных исследований. В изучении религиозной жизни общества все еще преобладает абсолютизация роли церковных институтов. Однако исследователи чаще обращаются к понятию народной религиозности, которая не совпадала с официальной, но, тем не менее, основывалась на ней.

Сейчас вряд ли стоит говорить, как было сказано в 2000 г. Т. А. Бернштам, о «плачевном состоянии» изучения народной религиозности¹. Этой теме, по наблюдениям Д. Сэбиана, М. Крома, Г. Альгази, посвящаются конференции и сборники статей², выходят монографии³. После публикации работ Б. А. Успенского, А. М. Панченко, М. Б. Плюхановой, В. М. Живова, В. Н. Топорова,, А. С. Лаврова, Е. Б. Смилянкой, А. М. Панченко, В. В. Керова, А. Л. Юрганова и самой Т. А. Бернштам, наметился подход, предпо-